

Александр Иванович Куприн

Тост



Александр Куприн

Тост

«Public Domain»

1906

Куприн А. И.

Тост / А. И. Куприн — «Public Domain», 1906

«Истекал двухсотый год новой эры. Оставалось всего пятнадцать минут до того месяца, дня и часа, в котором, два столетия тому назад, последняя страна с государственным устройством, самая упрямая, консервативная и тупая из всех стран, – Германия, – наконец решилась расстаться со своей давно устаревшей и смешной национальной самобытностью и, при ликовании всей земли, радостно примкнула к всемирному анархическому союзу свободных людей. По древнему же, христианскому летоисчислению теперь был канун 2906 года...»

© Куприн А. И., 1906

© Public Domain, 1906

Александр Иванович Куприн

Тост

Истекал двухсотый год новой эры. Оставалось всего пятнадцать минут до того месяца, дня и часа, в котором, два столетия тому назад, последняя страна с государственным устройством, самая упрямая, консервативная и тупая из всех стран, – Германия, – наконец решилась расстаться со своей давно устаревшей и смешной национальной самобытностью, и, при ликование всей земли, радостно примкнула к всемирному анархическому союзу свободных людей. По древнему же, христианскому летоисчислению теперь был канун 2906 года.

Но нигде не встречали нового, двухсотого года с таким гордым торжеством, как на Северном и Южном полюсах, на главных станциях великой Электроземномагнитной Ассоциации. В продолжение последних тридцати лет много тысяч техников, инженеров, астрономов, математиков, архитекторов и других ученых специалистов самоотверженно работали над осуществлением самой вдохновенной, самой героической идеи 11-го века. Они решили обратить земной шар в гигантскую электромагнитную катушку и для этого обмотали его с севера до юга спиралью из стального, одетого в гуттаперчу троса, длиной около четырех миллиардов километров. На обоих полюсах они воздвигли электроприемники необычайной мощности и, наконец, соединили между собою все уголки земли бесчисленным множеством проводов. За этим удивительным предприятием тревожно следили не только на земле, но и на всех ближайших к ней планетах, с которыми у обитателей земли поддерживались постоянные сообщения. Многие глядели на затею Ассоциации с недоверием, иные с опасением и даже с ужасом.

Но истекший год был годом, полным блестящей победы Ассоциации над скептиками. Неистощимая магнитная сила земли привела в движение все фабрики, заводы, земледельческие машины, железные дороги и пароходы. Она осветила все улицы и все дома и обогрела все жилые помещения. Она сделала ненужным дальнейшее употребление каменного угля, залежи которого уже давно иссякли. Она стерла с лица земли безобразные дымовые трубы, отравлявшие воздух. Она избавила цветы, травы и деревья – эту истинную радость земли от грозившего им вымирания и истребления. Наконец она дала неслыханные результаты в земледелии, подняв повсеместно производительность почвы почти в четыре раза.

* * *

Один из инженеров Северной станции, избранный на сегодня председателем, встал со своего места и поднял кверху бокал. Все тотчас же замолкли. И он сказал:

– Товарищи! Если вы согласны, то я сейчас же соединюсь с нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станции. Они только что сигнализировали.

Огромная зала Сопевания бесконечно уходила вдаль. Это было великолепное здание из стекла, мрамора и железа, все украшенное экзотическими цветами и пышными деревьями, скорее похожее на прекрасную оранжерею, чем на общественное место. Снаружи его стояла полярная ночь, но благодаря действию особых конденсаторов яркий солнечный свет весело заливал зелень растений, и столы, и лица тысячи пирующих, и стройные колонны, поддерживавшие потолок, и чудесные картины, и статуи в простенках. Три стены залы Сопевания были прозрачны, но четвертая, спиной к которой помещался председатель, представляла собою белый четырехугольный экран, сделанный из необыкновенно нежного, блестящего и тонкого стекла.

И вот, получив согласие общества, председатель дотронулся пальцем до маленькой кнопки, заключенной в столе. Экран мгновенно осветился ослепительным внутренним светом и сразу точно растаял, а за ним открылся такой же высокий, уходящий вдаль прекрасный стеклянный дворец, и так же, как и здесь, сидели за столами сильные, красивые люди, с радост-

ными лицами, в легких сверкающих одеждах. И те и другие, разделенные расстоянием в двадцать тысяч верст, узнавали друг друга, улыбались друг другу и в виде приветствия подымали кверху бокалы. Но из-за общего смеха и восклицаний они пока еще не слышали голосов своих далеких друзей.

Тогда опять встал и заговорил председатель, и тотчас замолчали его друзья и сотрудники на обоих концах земного шара.

И он сказал:

– Дорогие мои сестры и братья! И вы, прелестные женщины, к которым теперь обращена моя страсть! И вы, сестры, прежде любившие меня, вы, к которым мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте. Слава вечно юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному богу на земле – Человеку. Воздадим хвалу всем радостям его тела и воздадим торжественное, великое поклонение его бессмертному уму!

Вот гляжу я на вас – гордые, смелые, ровные, веселые, – и горячей любовью зажигается моя душа! Ничем не стеснен наш ум, и нет преград нашим желаниям. Не знаем мы ни подчинения, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилия, ни обмана. Каждый день разверзает перед нами целые бездны мировых тайн, и все радостнее познаем мы бесконечность и всеильность знания. И самая смерть уже не страшит нас, ибо уходим мы из жизни, не обезображенные уродством старости, не с диким ужасом в глазах и не с проклятием на устах, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цепляемся судорожно за жалкий остаток жизни, а тихо закрываем глаза, как утомленные путники. Труд наш то наслаждение. И любовь наша, освобожденная от всех цепей рабства и пошлости, – подобна любви цветов: так она свободна и прекрасна. И единственный наш господин – человеческий гений!

Друзья мои! Может быть, я говорю давно известные общие места? Но я не могу поступить иначе. Сегодня с утра я читал, не отрываясь, замечательную и ужасную книгу. Эта книга – История революций XX столетия.

Часто мне приходило в голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелепой казалась мне жизнь наших предков, отдаленных от нас девятью веками.

Порочные, грязные, зараженные болезнями, уродливые, трусливые – они были похожи на омерзительных гадов, запертых в узкую клетку. Один крал у другого кусок хлеба и уносил его в темный угол и ложился на него животом, чтобы не увидел третий. Они отнимали друг от друга жилища, леса, воду, землю и воздух. Кучи обжор и развратников, подкрепленные ханжами, обманщиками, ворами, насильниками, натравляли одну толпу пьяных рабов на другую толпу дрожащих идиотов и жили паразитами на гное общественного разложения. И земля, такая обширная и прекрасная, была тесна для людей, как темница, и душна, как склеп.

Но и тогда среди покорных вьючных животных, среди трусливых пресмыкающихся рабов вдруг подымали головы нетерпеливые гордые люди, герои с пламенными душами. Как они рождались в тот подлый, боязливый век, – я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: «Да здравствует свобода!» И в то ужасное кровавое время, когда ни один частный дом не был надежным убежищем, когда насилие, истязание и убийство награждались по-царски, эти люди в своем священном безумии кричали: «Долой тиранов!»

И они обагрят своей праведной горячей кровью плиты тротуаров. Они сходили с ума в каменных мешках. Они умирали на виселицах и под расстрелом. Они отрекались добровольно от всех радостей жизни, кроме одной радости – умереть за свободную жизнь грядущего человечества.

Друзья мои! Разве вы не видите этого моста из человеческих трупов, который соединяет наше сияющее настоящее с ужасным, темным прошлым? Разве вы не чувствуете той кровавой реки, которая вынесла все человечество в просторное, сияющее море всемирного счастья?

Вечная память вам, неведомые! вам, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то в прозорливых глазах ваших, устремленных в даль веков, светилась улыбка. Вы увидели нас,

освобожденных, сильных, торжествующих, и в великий миг смерти посылали нам свое благословение.

Друзья мои! Пусть каждый из нас тихо, не произнеся ни слова, наедине с собственным сердцем, выпьет бокал в память этих далеких мучеников. И пусть каждый почувствует на себе их примиренный, благословляющий взгляд!..

И все выпили молча. Но женщина необычайной красоты, сидевшая рядом с оратором, вдруг прижалась головой к его груди и беззвучно заплакала. И на вопрос его о причине слез, она ответила едва слышно:

– А все-таки... как бы я хотела жить в то время... с ними... с ними...